

ФИЛОСОФИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 250–256
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 250–256
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-4-250-256>
EDN: BLYYPR

Научная статья
УДК 1:316

Множественная идентичность в современном обществе: к причинам и следствиям ее распространения

В. Б. Устьянцев, М. О. Орлов, Е. В. Листвина, А. В. Рязанов[✉]

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Устьянцев Владимир Борисович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теоретической и социальной философии, [ystvb@mail.ru](mailto:ystvbm@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>

Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, доцент, декан философского факультета, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Листвина Евгения Викторовна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии культуры и культурологии, listvamer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2179-6477>

Рязанов Александр Владимирович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической и социальной философии, alexandr.ryazanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4297-3471>

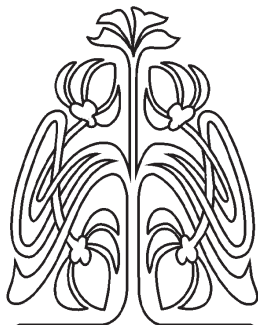
Аннотация. Введение. Рассмотрен генезис множественной идентичности и ее соотношение с другими видами идентичности. Раскрываются причины ее широкого распространения в современном мире, связанные с дроблением коллективных идентичностей и ускорением динамики развития общества. **Теоретический анализ.** Показан сложный процесс формирования современных государств и специфика взаимоотношений различных типов идентичности. Государство стремится использовать возможности новых типов идентичности в своих интересах. Особенно это заметно в случае цифровых идентичностей, которые кардинально меняют процесс социализации новых поколений. Чат-боты и голосовые помощники, используя силу алгоритмов, наделяют цифровые идентичности значительным манипулятивным потенциалом. Дополнительный эффект появляется в результате получения возможности скрытого управления цифровым субъектом, имитирующим реальный субъект. **Заключение.** Множественная идентичность проявляется в усложнении структуры современных обществ, вызванном влиянием изменения Я – Мы баланса, ростом степени индивидуализации граждан, а также распространением современных цифровых технологий, с помощью которых можно эффективно влиять на идентичность граждан.

Ключевые слова: множественная идентичность, идентичность индивидов и групп, дискурс, власть, изменение баланса идентичностей, роль современных цифровых технологий

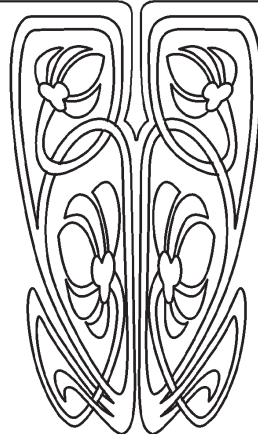
Для цитирования: Устьянцев В. Б., Орлов М. О., Листвина Е. В., Рязанов А. В. Множественная идентичность в современном обществе: к причинам и следствиям ее распространения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 250–256. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-4-250-256>, EDN: BLYYPR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

© Устьянцев В. Б., Орлов М. О., Листвина Е. В., Рязанов А. В., 2025

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Multiple identity in modern society: Causes and consequences of its spread

V. B. Ustyantsev, M. O. Orlov, E. V. Listvina, A. V. Ryazanov✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir B. Ustyantsev, ystvb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6045-7577>

Mikhail O. Orlov, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Evgeniya V. Listvina, listvamer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2179-6477>

Aleksandr V. Ryazanov, alexandr.ryazanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4297-3471>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the consideration of the genesis of multiple identity and its relationship with other types of identity. It reveals the reasons for its widespread distribution in the modern world, associated with the fragmentation of collective identities and acceleration of the dynamics of development of societies. **Theoretical analysis.** The article shows the complex process of formation of modern states and the specifics of the relations between different types of identity. The state seeks to use the possibilities of new types of identity in its own interests. This is especially evident in the case of digital identities, which radically change the process of socialization of new generations. Chatbots and voice assistants, using the power of algorithms, endow digital identities with significant manipulative potential. An additional effect appears as a result of obtaining the ability to covertly control a digital subject that mimics a real subject. **Conclusion.** Multiple identity is the result of the development of modern states. It manifests itself in the complication of the structure of modern societies, caused by the influence of the change in I-We balance, the growth of the degree of individualization of citizens, as well as the spread of modern digital technologies, with the help of which it is possible to effectively influence the identity of citizens.

Keywords: multiple identity, identity of individuals and groups, discourse, power, changing balance of identities, the role of modern digital technologies

For citation: Ustyantsev V. B., Orlov M. O., Listvina E. V., Ryazanov A. V. Multiple identity in modern society: Causes and consequences of its spread. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 250–256 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-4-250-256>, EDN: BLYYPR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Идентичность представляет собой востребованный в современной социокультурной ситуации концепт, который имеет множество трактовок с точки зрения различных гуманитарных (и не только) наук. Он активно используется современными российскими исследователями [1]. Каждая наука имеет свои подходы к идентичности и также предлагает свой взгляд на нее. Так, к примеру, психолингвистика показывает значимую связь проблематики дискурса с исследованиями идентичности [2]. Идентичность может рассматриваться как внутренняя (по самоощущению человека) и внешняя (при взгляде со стороны). Важным является как раз то, кто именно и для каких целей на нее смотрит. Она может быть разной у различных возрастных, гендерных, локальных, конфессиональных, этнических и других групп. Она может быть коллективной и индивидуальной. Идентичности могут перекрывать друг друга в самых разнообразных сочетаниях, формируя уникальные для каждого конкретного случая варианты (конstellации). Они могут рассматриваться как динамически меняющиеся в разных конкретно-исторических условиях.

Они могут быть значимыми, поэтому подлежат управлению находящимися у власти структурами. Колоссальные изменения в данном отношении произошли с распространением современных коммуникативных технологий.

Теоретический анализ

Множественная идентичность – плод развития сложного меняющегося общества, уходящего от своего устоявшегося синкретизиса [3], с традиционным набором ценностей, от устоявшегося репертуара ролей, открывающая для ее носителя потенциально более результативные варианты устройства (позиционирования) своего личного существования в социальном пространстве. Она дает возможность наполнить жизнь человека на индивидуальном уровне дополнительным смыслом и служит целям его адаптации к меняющимся обстоятельствам внешнего окружения. Эта ситуация позволяет более продуктивно использовать открывшиеся перед человеком возможности в плане более избирательной ориентации в постоянно меняющемся социальном пространстве за счет принятия новой для него идентичности или ее инсценировки.

Инсценировку следует принимать как относительно неустойчивое, лишь временное принятие на себя в качестве образца каких-либо внешних или внутренних свойств или качеств кого-либо или чего-либо [4]. Она в большей степени характерна для подростков и молодых людей в целом, когда еще идет поиск своего места в жизни и существует возможность «примерки» на себя чего-то нового, возможно, неожиданно и таящего в себе интересные перспективы. В ряде случаев инсценировка является лишь временным принятием внешних атрибутов и носит яркий, демонстративный характер, но через некоторое время может сходить на нет и даже исчезнуть, смениться другой. Иногда речь идет о внутреннем усвоении некоторых культурных образцов и даже характеристик, их примерке на себя в изменившихся социальных условиях. Инсценировки используются обычно подростками и молодыми людьми в процессе их социализации, при выборе подходящей для них траектории развития.

Множественная идентичность наглядно появляется в тех случаях, когда общество в силу разных причин оказывается в ситуации разрушения привычного порядка вещей и людям требуются новые модели поведения, требующие от них принятия новых поведенческих, дискурсивных и иных характеристик (практик), ставящих их носителя в активную позицию в борьбе «за место под солнцем». И одновременно сулящие позитивные изменения в его положении в будущем. Это могут быть изменения по линии противостояния и борьбы между классами, связанными с ней процессами модернизации и архаизации общественного уклада. Часть общества идет по пути формирования иных вариантов идентичности и оказывается связанной с архаизирующими практиками, базирующимися на использовании традиционных технологий и образа жизни [5].

В таких охваченных трансформациями общества рушится привычный порядок вещей, усиливаются брожение в разных социальных стратах. Подобная ситуация сложилась в Советском Союзе после его распада или в период перестройки М. С. Горбачева в середине 80-х гг. XX в. Каждый наблюдавший за этими событиями «своими глазами» наверняка помнит происходившее. По мнению В. Г. Федотовой, «...пережив эту аномию в

90-е годы, наше общество оказалось на уровне адаптации, потеряло представление о культурных образцах, утратило представление о смысле жизни и социально признанных идеалах и стало воспринимать любую ценностную интеграцию, которая конструирует общество как проявление тоталитаризма. Эта ситуация справедливо характеризовалась как кризис идентичности» [6, с. 265].

Подобные события могут наблюдаться на всех материках, происходить в разных странах, естественно, в своем социокультурном контексте и с разной динамикой. Это позволяет использовать для анализа проблем идентичности разнообразный материал и опираться на точки зрения многих авторов, принадлежащих к разным культурным и даже профессиональным сообществам.

Следует различать индивидуальные и коллективные инсценировки. Индивидуальные инсценировки актуализируют ценности личной свободы (пусть только и внешней). Коллективные инсценировки заполняют появившиеся лакуны в социальном пространстве, за счет подготовки ярких демонстративных мероприятий. Так же различаются индивидуальные и коллективные идентичности. «Индивид и группы имеют идентичность. Индивид определяет и переопределяет свою идентичность в группе. Поскольку индивид включен во многие группы, он может иметь меняющуюся идентичность. Идентичность групп в большей степени фиксирована, чем идентичность индивидов» [7, с. 266]. Рассуждая об идентичностях С. Хантингтон пишет, что «идентичности различаются по степени интенсивности. Самоидентификация зачастую зависит от масштабов: люди охотнее, интенсивнее отождествляют друг друга с семьей, а не с политической партией (впрочем, не всегда). Более того, значимость идентичностей всех типов варьируется под влиянием взаимодействия индивида или группы с окружающей средой» [7, с. 60]. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в мире одновременно существует целая палитра идентичностей, группируемая по разным основаниям, характеризуемая разными масштабами обобщаемых объектов и они никак не могут быть оценены как статичные, они меняются под воздействием многих факторов различного происхождения. В том числе она может меняться при воздействии внешнего управ-

ления (конструирования). «Люди формируют свою идентичность при определенной степени давления, побуждения и свободы» [6, с. 266].

При осуществлении подобного давления и побуждения активно используется «...речь, речевая практика людей, в ходе которой не только осваивается, “обговаривается мир”, но и складываются правила такого обговаривания, правила самой речи, а значит, и соответствующие мыслительные конструкции. Речь в таком понимании и следует называть, по мнению М. Фуко, дискурсом...», который следует понимать как «...вербализацию определенной ментальности, или такой способ говорения и интерпретирования окружающей действительности, в результате которого не только специфическим образом отражается окружающий мир, но и конструируется особая реальность, создается свой (присущий данному социуму) способ видения мира, способ упорядочения действительности, реализуемый в самых разнообразных практиках» [цит. по: 8, с. 21–23]. М. В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс, подвергнувшие исследованию теорию и метод дискурс-анализа, указывают, что «...посредством приписывания значений в дискурсе формируется социальная идентичность и социальные отношения. То есть приписывание значений в дискурсе является средством изменения мира. Борьба на уровне дискурсов и изменяет, и воссоздает социальную реальность» [9, с. 26].

На такую роль дискурса прямо указывает Т. ван Дейк: «...те, кто контролирует дискурс, могут косвенно контролировать сознание людей. А поскольку действия людей управляются их сознанием (знаниями, отношениями, идеологией, нормами, ценностями), контроль над сознанием означает также косвенный контроль над действиями» [10, с. 27]. Он же указывает, кто и каким образом оказывает такое влияние: «Властные группы и их представители контролируют или имеют доступ к бесконечному разнообразному спектру дискурсивных ролей, жанров, условий и стилей... Они контролируют формальные диалоги с подчиненными, деловые совещания, отдают указания и формулируют правила, пишут различные формы отчетов, книги, газеты и инструкции, газетные материалы и производят различные масс-медийные дискурсы» [10, с. 50–51].

С. Хантингтон отмечает, что «индивиды, как и группы (хоть и в меньшей степени), об-

ладают множественными идентичностями. Последние могут быть «кровными», территориальными, экономическими, культурными, политическими, социальными и национальными. Значимость перечисленных идентичностей для индивида и группы меняется с ходом времени, от ситуации к ситуации, при том, что эти идентичности дополняют друг друга – или конфликтуют одна с другой» [7, с. 52].

Такое видение идентичности показывает сложное понимание идентичности как чего-то постоянно становящегося и практически никогда не окончательного. Эту ситуацию хорошо описал З. Бауман: «Когда бы мы не говорили об идентичности, в нашем сознании возникают тусклые образы гармонии, логики, согласованности: всех тех вещей, которые к нашему вечному отчаянию, явно и отвлратно отсутствуют в потоке нашего опыта. Поиск идентичности – это постоянные попытки остановить или замедлить этот поток, сделать твердым жидкое, придать форму бесформенному» [11, с. 91].

На ранних стадиях существования общества не существовало большого разнообразия групп людей, господствовали примитивные способы ведения экономической деятельности, были слабо развиты язык и способы коммуникации. С развитием общества жизнь человека усложнялась, также совершенствовались и расширялись сопутствующие возможности человека в различных сферах деятельности, появились ее новые виды, соответственно, появилась возможность выделения новых групп людей по разным признакам (основаниям). Поскольку существуют коллективные (групповые) и индивидуальные идентичности, со временем их количество и разнообразие не могли не расти кратно. Появление экономического и социального расслоения, связанного с ростом производства и становлением нового экономического строя, вело к росту конкуренции и, соответственно, совершенствованию технологий управления человеческими коллективами, а значит, и связанными с ними идентичностями.

Н. Элиас еще со времени европейского средневековья отметил, что изменился баланс между Мы-идентичностью и Я-идентичностью: «Все чаще стали встречаться люди, у которых Мы-идентичность была ослаблена до такой степени, что они представлялись себе в каче-

стве “Я”, лишенного своего “Мы”. Если раньше люди пожизненно – с самого момента своего рождения либо с какого-то другого определенного момента – принадлежали к определенной группе, так что их Я-идентичность была перманентно связана с их Мы-идентичностью, в тени которой она находилась, то со временем маятник этого баланса качнулся резко в противоположную сторону» [12, с. 273]. Естественно, что Мы-идентичность, которая, конечно же, никуда не исчезла, однако полностью ушла с поверхности, и была перекрыта в сознании людей их собственной Я-идентичностью.

В настоящее время наиболее важные для государств коллективные идентичности являются базовыми для правительств и контролирующих их структур, и последние кровно заинтересованы в их всяческой поддержке. Каждая ситуация по-своему уникальна, но в современных государствах поддержка основных идентичностей идет за счет идентичностей «малых». Однако в ситуации постепенного роста степени индивидуализации граждан и при общем росте центрирования их на своих нуждах возникает на государственном уровне проблема поддержки значимых для государства больших идентичностей. Для совершенствования такой поддержки в настоящее время прибегают к помощи новых коммуникационных технологий, которые позволяют современным способом привлечь и подготовить для восприятия аудитории с запланированным эффектом информацию, забираемую у других видов идентичности.

Тот же Н. Элиас для своего времени отмечает, что «каким бы мощным не был характерный для новейшего времени сдвиг в сторону индивидуализации, на национально-государственном уровне Мы-идентичность, скорее, укрепилась. Для того чтобы преодолеть противоречия между переживанием себя как «Я», как абсолютно обособленного индивида, лишенного своего «Мы» и его эмоциональной вовлеченностью в интересы национальной Мы-группы, люди нередко используют стратегию «инкапсуляции». Их переживания себя как индивида и их переживания себя как представителя Мы-группы – как француза, англичанина, западного немца, американца и т.д. – словно распределены по разным отсекам их знания, и эти отсеки никак, или почти никак, не соединены между собой» [12, с. 291].

Это наглядно показывает крайнюю сложность фиксации идентичности как явления, представляющую собой в каждый отдельный момент времени временную пульсирующую констелляцию разнообразных идентичностей в зависимости от каждого отдельно взятого конкретного ее носителя. Тем более, что человек сам может серьезно заблуждаться относительно своей идентичности, так как окружающие (к примеру, члены определенной группы) могут ее и не признать. И такие случаи не столь уж и редки.

Кроме того, тот же С. Хантингтон считает, что «Идентичности в общем и целом представляют собой конструкторы» [7, с. 51]. Люди могут сами заниматься конструированием собственных идентичностей, занимаясь этим, отталкиваясь от разных причин. «Не считая культурной наследственности (от которой можно и отречься), пола (который можно и сменить) и возраста (который нельзя изменить, но с которым можно бороться), люди относительно свободны в определении собственной идентичности, пускай даже с практическим применением этого определения впоследствии возникают сложности» [7, с. 51–52].

Однако не следует отдавать первенство в формировании идентичности личному началу. Не менее, а, скорее, более значимую роль в современности будет играть и играет властный дискурс, который реализуется через официальные и неофициальные каналы, связанные с властью. Способ производства и артикуляция дискурса, по мнению Т. ван Дейка, контролируется группами, которые он обозначает термином «символические элиты» и к которым относятся «...журналисты, писатели, художники, режиссеры, академики и другие группы, реализующие власть на основе “символического капитала”» [10, с. 51].

Мир идентичностей в XXI в. становится все более гибким, подвижным и разнообразным, у конкретного человека могут быть самые разные идентичности: как коллективные, так и индивидуальные, и цифровые в различных пропорциях и сочетаниях. Производство идентичностей в условиях современного общества становится все в большей степени управляемым.

Начиная с конца XX в. с распространением интернета и современных компьютерных технологий, новых гаджетов, возможности

спланированного влияния на человека пропорционально увеличилось. Первыми к таким достижениям человечества доступ получили как раз представители этой «символической элиты», которые активно используют данные технологии. Параллельно происходило накопление знаний в области медиа-исследований и медиа-философии, накопленные знания сразу выводились на практику. Человек изменялся и продолжает изменяться намного медленнее сравнительно с возможностями современных коммуникативных технологий. С совершенствованием их применения возможности и эффективность их влияния на человека усилились. Современные медиа и работа профессионалов с ними породили в социальной жизни обществ многие эффекты, не наблюдаемые ранее (интернет-мемы, постправда, интернет-фейки и др. [13]), оказывающее серьезное влияние на формирование современного социального и политического поля.

Заключение

Множественная идентичность представляет собой результат действия механизма адаптации современного человека к миру через тонкую подстройку к сложному, быстро меняющемуся социуму. В то же время она может порождать конфликты как на внутриличностном уровне, так и на уровне сообществ и государств. С другой стороны, множественная идентичность парадоксальным образом позволяет сохранить конкретному человеку свою самость, свое Я, перераспределив свою идентичность так, чтобы сделать ее наиболее соответствующей своему пониманию. Чат-боты и голосовые помощники, используя силу алгоритмов, наделяют цифровые идентичности значительным манипулятивным потенциалом. Дополнительный эффект появляется в результате получения возможности скрытого управления цифровым субъектом, имитирующим реальный субъект.

Список литературы

1. Листвина Е. В., Орлов М. О., Рязанов А. В. Социокультурные аспекты современных идентификационных процессов // *Logos et Praxis*. 2023. Т. 22, № 4. С. 188–193. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.19>, EDN: EQPZVY

2. Седов К. Ф. Дискурс как суггестия: иррациональное воздействие в межличностном общении. М. : Лабиринт, 2011. 336 с.
3. Яковенко И. Г. Познание России: цивилизационный анализ. М. : Наука, 2008. 522 с.
4. Ионин Л. Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 3–14.
5. Ламажсаа Ч. К. Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Либроком, 2013. 272 с.
6. Федотова В. Г. Хорошее общество. М. : Прогресс – Традиция, 2005. 544 с.
7. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. М. : АСТ ; ООО «Транзиткнига», 2004. 635 с.
8. Михалёва О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М. : Либроком. 2009. 256 с.
9. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. Харьков : Изд-во Гуманитарного центра, 2004. 336 с.
10. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М. : URSS ; Либроком, 2022. 352 с.
11. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. М. ; СПб. ; Н. Новгород : Питер, 2008. 240 с.
12. Элиас Н. Общество индивидов / пер. с нем. М. : Праксис, 2001. 366 с.
13. Артамонов Д. С. Медиапамять в эпоху цифры. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2023. 180 с. <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04804-6>

References

1. Listvina E. V., Orlov M. O., Ryazanov A. V. Sociocultural aspects of modern identification processes. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 188–193. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.19>, EDN: EQPZVY
2. Sedov K. F. *Diskurs kak suggestiya: irratsional'noe vozdeistvie v mezhlchnostnom obshchenii* [Discourse as suggestion: Irrational impact in interpersonal communication]. Moscow, Labirint, 2011. 336 p. (in Russian).
3. Yakovenko I. G. *Poznanie Rossii: tsivilizatsionnyi analiz* [Knowing Russia: Civilizational analysis]. Moscow, Nauka, 2008. 552 p. (in Russian).
4. Ionin L. G. Identification and staging (to the theory of sociocultural changes). *Sociological Studies*, 1995, no. 4, pp. 3–14 (in Russian).
5. Lamazhaa Ch. K. *Arkhaizatsiya obshchestva. Tuvinskiy fenomen* [Archaization of society. The Tuvan phenomenon]. Moscow, Librokom, 2013. 272 p. (in Russian).
6. Fedotova V. G. *Khoroshee obshchestvo* [A Good society]. Moscow, Progress – Traditsiya, 2005. 544 p. (in Russian).
7. Huntington S. P. *Who are we? The challenges to America's national identity*. New York, Simon &

- Schuster, 2004. 428 p. (Russ. ed.: Moscow, AST, Tranzitkniga, 2004. 635 p.).
8. Mikhaleova O. L. *Politicheskiy discours: spetsifika manipulyativnogo vozdeistviya* [Political discourse: The Specificity of manipulative influence]. Moscow, Librokom, 2009. 256 p. (in Russian).
 9. Jorgensen M., Phillips L. *Discourse Analysis as Theory and Method*. London, Thousand Oaks, New Delhi, SAGE Publications, 2002. 240 p. (Russ. ed.: Kharkov, Gumanitarnyi Tsentr Publ., 2004. 336 p.).
 10. Van Dijk T. A. *Discourse and Power: Representation of dominance in language and communication*. London, Bloomsbury Academic, 2017. 320 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-137-07299-3> (Russ. ed.: Moscow, URSS, Librokom, 2022. 352 p.) (in Russian).
 11. Bauman Z. *Liquid Modernity*. Malden, MA, Polity Press, 2000. 240 p. (Russ. ed.: Moscow, St. Petersburg, Nizhny Novgorod, Piter, 2008. 240 p.) (in Russian).
 12. Elias N. *Die Gesellschaft der Individuen: Die Gesellschaft der Individuen*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1996. 338 S. (Russ. ed.: Moscow, Praxis, 2001. 336 p.) (in Russian).
 13. Artamonov D. S. *Mediapamyat' v epokhu tsifry* [Media memory in the digital age]. Saratov, Saratov State University Publ., 2023. 180 p. (in Russian). <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04804-6>

Поступила в редакцию 18.05.2025; одобрена после рецензирования 29.07.2025; принята к публикации 22.09.2025
The article was submitted 18.05.2025; approved after reviewing 29.07.2025; accepted for publication 22.09.2025